

Карина Шаинян

Яночка

Карина Шаинян

Яночка

«Автор»

Шаинян К.

Яночка / К. Шаинян — «Автор»,

ISBN 978-5-457-22275-5

«Яна сидела на полу, молча вперив взгляд в лежащего в клетке Мыша – взгляд тяжелый, неподвижный, пугающий...»

ISBN 978-5-457-22275-5

© Шаинян К.

© Автор

Карина Шаинян

«Яночка»

– Мааам! – Машу настойчиво подергали за рукав. – Мааам!

– Что, Яночка?

– Посмотри, Мыш не шевелится!

Под нос Маше сунули крохотного белого зверька. Маша наклонилась, присматриваясь, вздохнула. «Три года... бедный старичок», – подумала она, погладив пальцем чуть смявшуюся шерстку, а вслух сказала:

– Отнеси его пока в клетку, я занята.

Вытесняя тесную кухонную духоту, в форточку бились запахи чуть смоченной ночным дождем пыли и увядающей травы, шелест тополиных листьев, обещание еще одного теплого, доброго дня. Вдохнув горячий гречневый пар из кастрюльки, Маша машинально пошуровала ложкой и присела на табуретку, рассеянно глядя в окно.

Они были одни в огромной коммуналке старого сталинского дома – муж и соседка Вера Ивановна на работе, неугомонный пенсионер Палыч ушел «за газетами» – наверняка уже сидел во дворе с такими же нездорово-румяными седыми толстяками, пил пиво и ожесточенно ругался за политику. Такой хороший день – они вдвоем с Яночкой, никто не мешает, можно валяться в обнимку с разноцветной книжкой в ленивых руках, и, может быть, наконец-то получится складывать буквы в слоги. А потом они бы пошли вдумчиво гулять по пахнущим ранней осенью дворам... Нормальный, расслабленный день нормальных людей. И надо же было Мышу сдохнуть именно сейчас. Маша поежилась, представляя тяжелый разговор. Можно оставить все до прихода мужа – уж Данил сможет объяснить все, не пугаясь и не пугая...

– Мааам! – крикнули из комнаты дрожащим голосом. Вдохнув, Маша выключила газ под кастрюлькой и пошла в комнату, мысленно репетируя необязательные, успокаивающие фразы.

Были жуткие, рвущие сердце рыдания. И жуткие вопросы, и ответы – еще страшнее. Был крошечный, икающий, сопливый, раздавленный горем комочек на руках, и Маша все укачивала дочку, пока рыдания не перешли в тихий плач. И было – «я что-нибудь придумаю, чтобы Мыш снова бегал, вот увидишь, мамочка, и ты никогда-никогда не умрешь, правда?», и Маша не спорила – да, конечно, правда, вырастешь и придумаешь, ты же у меня умничка, Яночка, ну, не плачь, доча, давай я тебе почитаю...

Теперь Яна сидела на полу, молча вперив взгляд в лежащего в клетке Мыша – взгляд тяжелый, неподвижный, пугающий. Маша отложила книжку, пытаясь задавить детский, глупый страх. «Яна, ты не слушаешь?» – тихо окликнула она, но девочка даже не обернулась. Она все смотрела на дохлого Мыша, и Маше это совсем, совсем не нравилось.

Точно так же когда-то смотрела Маша на тело своей бабушки, высокой, зычной, нестарой еще медноволосой дамы – смотрела на восковое лицо, иссеченное резкими тенями бумажных кружев, и пыталась понять – как же так? Вот она лежит – и не встанет никогда больше, не взглянет строго, не поведет за руку в парк... Маша все смотрела, и начало казаться, что если она сейчас не отвернется – бабушка все-таки встанет... и это будет гораздо, гораздо хуже, неизвестно, почему, но хуже. Холодный страх ворочался в животе, глаза слезились – и бабушкино лицо начало плыть, покачиваться, дернулись брызгливо брови, шевельнулись веки – и тогда Маша начала кричать.

Первой к истошно орущей, изо всех сил упирающейся ладошками в мертвое холодное лицо Маше подбежала тетя Люда, схватила железными руками под мышки, оторвала, зло, с

досадой шлепнула по задку. Заткнись, кричала она, заткнись, маленькая дрянь! но Маша не слышала и все визжала – нет, бабушка, не оживай, пожалуйста, я больше не буду, пожалуйста, не оживай...

А вечером она лежала в своей кроватке и слушала, как тетя Люда наседает на маму. Резкий, металлический голос разносился по квартире, и некуда было спрятаться.

– У тебя очень странная дочка, Лена. То, как она себя сегодня вела... Это же просто неприлично! Ненормально! Она какая-то... с отклонениями, честное слово!

Тихий мамин голос возражал, вплетался слабой нитью в металлический скрежет, бес- сильно пытался защитить, смягчить. Маша свернулась калачиком, потянула подушку, пыта- ясь закопаться в душной ткани. Она знала, что такое – «с отклонениями». Это как мальчик Леша из соседнего подъезда: рот у него всегда открыт, текут слюни и сопли, и от него всегда плохо пахнет, а люди отворачиваются с брезгливой жалостью. И точно так же отворачива- ются от его мамы, она, наверное, тоже «с отклонениями», хоть и не пускает слюней и очень добрая, вот только глаза у нее грустные-прегрустные. Маша скорчилась, давя рыдания. Но один всхлип прорвался, и на пороге сразу появилась мама.

Они долго сидели в темноте, и Маша все повторяла, что она не такая, не такая, как Леша, она хорошая, и мама говорила – да, да, ты хорошая, – я ведь нормальная, да? – конечно, ты самая обыкновенная девочка, очень-очень хорошая девочка... Мама была теплая и вкусно пахла, и наконец обессиленная Маша заснула.

Маша сжала зубы, пытаясь остановить воспоминания, не видеть снова то, что случи- лось потом: как она, трясущаяся и зареванная, в мокрых, остро пахнущих трусиках, раздав- ленная мучительным стыдом, стояла под взглядами – обвиняющим тети Люды и испуган- ным маминым – потому что ей приснилась бабушка, которая все-таки встала. Ее медные с проседью волосы стояли дыбом, она тянула к Маше руки и кричала – зачем ты это сделала? ненормальная! Ненормальная! – и Маша чувствовала, как ее глаза наливаются бессмыслен- ной пустотой, а из уголка рта течет вязкая струйка слюны.

– Прекрати немедленно! – завизжала Маша.

Яночка вздрогнула и сжалась в комок, жалобно глядя снизу вверх.

– Мамочка, я придумала... – слабо улыбнулась она, но Маша, не слушая, схватила клетку, крикнула через плечо:

– Немедленно ложись спать! – и потащила клетку на кухню, задыхаясь от ужаса и омерзения.

Яночка сидела все в той же позе, стеклянно глядя на опустевший стол. Лоб покрылся капельками пота, на щеках – неровные жаркие пятна румянца. Маша испуганно бросилась за градусником, а потом звонить, упрашивать, да, я понимаю, что надо заранее, ну пожалуйста, ведь тридцать девять уже, девочка только что перенесла потрясение, пожалуйста – Маша уже плакала, и на том конце провода смягчились, посоветовали напоить слабым чаем с лимоном, успокоиться и ждать.

Уложив Яну в постель, Маша старательно подоткнула одеяло и отправилась на кухню. Включила чайник и замерла перед окном, зябко обхватив себя руками.

За спиной зашуршало.

Обмирая, Маша оглянулась. По клетке метался Мыш, сердито пищал, рылся в рваной газетной бумаге. На его белом боку отчетливо виднелась влажная проплешина, облепленная мелкой мусорной дрянью. Сдавленно взвизгнув, Маша метнулась в комнату.

Она мерно раскачивалась в кресле, мучительно хмурясь. Прятаться дальше было глупо. Можно просидеть здесь до прихода Дани... И потом пытаться объяснить ему, что, собственно, произошло. «А ничего такого и не случилось», – прошептала Маша и воровато оглянулась на кровать. Яна спала, свесив руку, – рыжие тонкие волосы чуть влажны, рот приоткрыт. Маша осторожно повернула дверную ручку. Дочка, потревоженная скрипом, заворочалась, перевернулась на бок и снова мирно засопела, чуть улыбаясь во сне.

На кухне пахло сильнее, чем обычно. К помойному запашку из встроенного в стену мусоропровода, к въевшимся в стены запахам невкусной еды и хозяйственного мыла примешивался новый дух: от клетки Мыша несильно, но отчетливо несло тухлятиной. Маша, криваясь, подошла поближе, и Мыш запищал требовательно, прыгая на решетку – выпрашивал по обыкновению что-нибудь вкусненькое. Она открыла клетку и ухватила Мыша за хвост. Тот недовольно пискнул, и Маша отдернула руку – показалось, что хвост слишком холодный и какой-то склизкий. Присев на табуретку, она долго, заморожено смотрела на Мыша. Резкий звонок в дверь заставил ее вздрогнуть.

– Самохина? Педиатра вызывали? – спросила хмурая женщина, проходя в дом. – Показывайте...

– Она заснула, – шепотом ответила Маша, – вы проходите, проходите... сейчас я ее подниму.

Оставив врача осматривать заспанную Яну, Маша снова скользнула на кухню. Открыла клетку, стараясь дышать ртом. Хвост снова показался скользким, и ее передернула от отвращения. Давя подступающую к горлу тошноту, она бегом бросилась к туалету, стараясь не смотреть на Мыша, беспомощно болтавшегося в ее руке. Зажмурившись, бросила его в унитаз и с облегчением спустила воду.

– Мне показалось, – преувеличенно четко сказала она. Слова потонули в грохоте воды.

– Поймите, любой ребенок, сталкиваясь с идеей смерти, испытывает сильное потрясение, – устало объясняла врачиха. – Так что реакция Яны совершенно нормальна.

Маша с облегчением вздохнула, покивала.

– А взгляд, который вас так беспокоит... Думаю, вы просто слишком переживаете за дочку, вот вам и кажется... Попейте успокоительное, пустырика, например...

– Да, нервы шалят, – согласилась Маша. – Она так плакала... Я думала, у нее сейчас сердечко разорвется.

– Ничего-ничего, дети – народец крепкий... Побольше свежего воздуха, дневной сон... Прививки вы уже сделали? Когда в садик?

– Через неделю.

– Вот и чудесно! Это ее отвлечет. Пойдешь играть с детишками, Яночка?

– Пойду, – с энтузиазмом откликнулась Яна, выглядывая из-за маминой ноги.

* * *

По стене пробежал таракан, огромный, рыжий, и Маша поежилась. В последнее время от пруссаков не стало спасения. Не помогли ни ловушки, ни яд, ни аэрозоль с названием, напоминающим о голливудских боевиках. Маша сняла тапок, хлопнула по стене и дернулась, услышав влажный хруст. Беспомощно уронила тапок и расплакалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.